

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящаю эту книгу памяти моих матери, Яффы Мозес, отца, Александра Мозеса, сестер, Эдит и Алис, и сестры-близнеца, Мириам Мозес-Цейгер. А также всем детям, пережившим лагерь, всем детям, пережившим насилие и унижения. Я выражаю почтение силе духа людей, выживших несмотря на потерянное детство, гибель родных, и хочу сказать, что семья у них все же есть. И, наконец, я посвящаю эту книгу моим сыну, Алексу Кору, и дочери, Рине Кор, они — моя радость, гордость и еще одно испытание.

ЕМК

Оливии, Хлое и Дженовив. Вы — весь мой мир. И моей сестре Аманде — за то, что спасла мне жизнь.

ЛРБ

ПРОЛОГ

Двери вагона были распахнуты впервые за много дней, солнечный свет казался нам настоящим благословением. В трясущемся крошечном вагоне для скота ехали десятки евреев — нас увозили все дальше и дальше от Румынии. Изможденные люди толкали друг друга, стремясь выбраться.

Я крепко сжимала руку близняшки, когда нас вытолкали на платформу, не зная, радоваться нашему освобождению или бояться того, что будет дальше. От холодного утреннего воздуха бросало в дрожь, ветер обдувал наши голые ноги, и одинаковые тонкие платья бордового цвета не спасали.

Я сразу поняла, что сейчас раннее утро — солнце только показалось над горизонтом. Повсюду нас окружали забор из колючей проволоки и цементные смотровые вышки. С них на нас глядели винтовки эсэсовцев (нем. *schutzstaffel*). Служебные собаки, которых держали эсэсовцы, рвались с поводков, лаяли и рычали как бешеные. Однажды на ферме я видела бешеную собаку, с пеной у рта и острыми белыми клыками. Я чувствовала, как сильно колотится мое сердце.

Рука сестры, потная и теплая, сжала мою. Родители и Эдит с Алис, мои старшие сестры, стояли рядом с нами, и я услышала, как мама тихонько говорит папе:

— Освенцим? Это и есть Освенцим? Что это за место? Мы не в Венгрии?

— Мы в Германии, — ответил он.

Мы пересекли границу и оказались в Германии. На самом деле это была Польша, но немцы подчинили Польшу себе. Именно в немецкой Польше находились все лагеря смерти. Нас привезли не в венгерский лагерь на работы, а в нацистский — на смерть. Не успела я этого осознать, как кто-то толкнул меня в плечо.

— *Schnell! Schnell!**

Эсэсовцы подгоняли остальных пленных, чтобы те скорее вышли на огромную платформу.

Нас продолжали толкать. Мириам прижалась ко мне поближе. Слабый солнечный свет то исчезал, то снова появлялся над нашими головами — его загораживали взрослые, которых офицеры разгоняли в разные стороны. Похоже, они разделяли всех на две группы с разными целями. Но с какими?

Шум вокруг усиливался. Нацисты хватали людей и толкали их вправо или влево от платформы. Собаки лаяли и рычали. Люди начали плакать и кричать, пытались схватить своих родных, но офицеры их расталкивали. Мужчин и женщин разделяли, детей отнимали у родителей. Мы оказались в эпицентре. Все вокруг закрутилось быстрее и быстрее. Поднялась суматоха.

— *Zwillinge! Zwillinge!***

* Быстро! Быстро! (нем.)

** Близнецы! Близнецы! (нем.)

Перед нами остановился один из офицеров. Он оглядел меня и Мириам, наши одинаковые платья.

— Они близнецы? — спросил он маму.

Она помедлила.

— А это хорошо?

— Да, — ответил офицер.

— Они близнецы, — ответила мама.

Офицер молча схватил нас с Мириам и оторвал от мамы.

— Нет!

— Мама! Мама! Нет!

Мы с Мириам кричали и плакали, протягивая руки к маме, и она тоже тянулась к нам, но ее не пускал другой офицер. Он бросил ее на землю с другой стороны платформы.

Мы визжали. Рыдали. Умоляли. Но наши голоса тонули в шуме, хаосе и отчаянии, как бы громко мы ни кричали. Из-за наших одинаковых бордовых платьиц, мы же близнецы, нас трудно было не заметить в серой толпе измученных еврейских пленников, нас с Мириам выбрали. Вскоре нам предстояла встреча с Йозефом Менгеле, нацистским врачом, которого прозвали Ангелом Смерти. Это он решал, кого из прибывших на платформу убить,

а кого оставить в живых. Но тогда мы этого не знали. Мы знали, что внезапно оказались одни. Нам было всего десять.

Мы больше никогда не увидели ни маму, ни папу, ни Эдит, ни Алис.

ГЛАВА 1

Мы с Мириам были близнецами, младшими из четырех сестер. Наши сестры всегда рассказывали историю нашего рождения с такой завистью, что становилось ясно: мы в семье любимицы. Что же может быть милее девочек-близняшек?

Мы родились 31 января 1934 года в деревне Порт в Трансильвании, в Румынии, неподалеку от границы с Венгрией. Сколько я себя помню, мама всегда любила одинаково нас наряжать и завязывать волосы красивыми бантами, чтобы все издали понимали, что эти малыши — близняшки. Иногда она усаживала нас на подоконник, и проходящие мимо думали, что мы не дети, а дорогие куклы.

Мы были так похожи, что приходилось носить таблички с именами, чтобы хоть как-то различаться. Тети, дяди, двоюродные братья и сестры, приезжая к нам на ферму, любили играть с нами в «угадайку». «Кто из вас Мириам? Кто из вас Ева?» — вопрошал дядя, а сам улыбался. Мама тоже улыбалась, гордясь своими куколками, а наши старшие сестры закатывали глаза. Люди, как правило, не угадывали. Когда мы чуть подросли и пошли в школу, мы пользовались нашей схожестью и подшучивали над окружающими, это было очень весело. И мы использовали эту уникальную особенность и очарование при каждом удобном случае.

Хотя папа был довольно строгим и отчитывал маму за ее тщеславие, указывая, что Священное Писание этого не одобряет, она все равно уделяла нашему внешнему виду особое внимание. Она специально шила нам одежду на заказ, как сегодня состоятельные люди заказывают одежду у модных дизайнеров. Сначала она заказывала ткань в городе. Когда ее привозили, мы с Мириам, Алис и Эдит отправлялись к портнихе в городок Шюфок. Там мы, девочки, жадно разглядывали

и перелистывали все модные журналы с новинками моды.

Но окончательное решение относительно фасона и цвета платьев принимала мама. Именно платьев — в то время девочки не носили ни штанов, ни комбинезонов. Мама всегда выбирала бордовый, бледно-голубой или розовый. После того как с нас снимали мерки, назначалась дата примерки, когда портниха наряжала нас в уже готовые платья. Платья всегда были абсолютно одинаковыми и составляли весьма гармоничную пару.

Нас с сестрой было очень легко спутать, но папа всегда различал, кто я, а кто Мириам — по характеру, по походке, по незначительным движениям рук. Не успевала я открыть рта чтобы заговорить, а он уже понимал кто есть кто. Хотя Мириам родилась раньше, главной была я. И я больше говорила. Когда нам что-то было нужно от папы, Эдит, самая старшая, отправляла меня к нему «посыльным».

Папа, верующий еврей, всегда хотел сына, потому что в то время только сыновья могли ходить молиться в синагогу и читать кадиш, иудейскую поминальную молитву. Но сына у папы не было, только мы с сестрами.

Поскольку я была самой младшей в семье, он часто смотрел на меня и говорил: «Ты должна была быть мальчиком». Думаю, он имел в виду, что и правда могла бы быть мальчишкой. Это доказывал мой характер: я была сильной, смелой, не стеснялась высказываться — вела себя, как, наверное, подобало бы сыну.

Хоть такой бойкий характер и помогал мне отличаться от сестры, он имел свои недостатки. Мне казалось, что папу во мне все не устраивало, и что бы я ни делала, он оставался недоволен. Мы часто спорили, и я всегда стояла на своем. Я не понимала — неужели он всегда прав, просто потому что он мужчина, потому что он мой отец, потому что он глава семьи? Поэтому мы вечно спорили. Папа и я.

Мне он всегда уделял больше внимания, чем моим сестрам, но внимание это не всегда было приятным. Я так и не научилась искусству белой лжи, поэтому постоянно попадала впросак. Помню, как я часто ходила по дому на цыпочках, чтобы случайно не попасться папе на глаза и не раздражать его лишний раз.

Но со временем я поняла, что споры с отцом сделали меня сильнее. Я научилась быть умнее того, кто имеет надо мной власть. Тогда я этого не знала, но наши споры подготовили меня к тому, что мне вскоре пришлось пройти.

Мама была совсем не похожа на папу. Она была весьма образованна для того времени, когда не всем женщинам позволяли ходить в школу. Многие религиозные евреи тогда воспитывали своих дочерей как будущих матерей и домохозяек, а образование было мужской прерогативой. Хотя мама и проследила за тем, чтобы мы научились читать, писать и считать, а также освоили основы истории и языка, она научила нас заботиться о других.

В нашей деревне, Порте, кроме нас евреев не было, но все соседи дружелюбно с нами общались. Мама всегда была в курсе последних новостей и часто помогала соседям, особенно беременным девушкам, когда они в этом нуждались. Она готовила им макароны или пироги, помогала прибраться в доме, если они болели, давала советы по воспитанию детей, читала письма, которые те получали от родственников. Своим примером

она учила нас с сестрами помогать тем, кому повезло меньше нас, особенно учитывая то, что мы были далеко не бедными по меркам нашей деревни.

Однако вскоре после нашего рождения антисемитизм стал стремительно распространяться в Румынии. То есть многие теперь не терпели евреев просто потому, что они евреи. Но мы, будучи совсем детьми, даже не знали, что такое антисемитизм, пока венгерская армия не вторглась в наш городок в 1940 году.

Отец как-то рассказал нам, как испытал антисемитизм на себе в 1935 году, когда нам с Мириам был всего год. В том году Железная гвардия (экстремистская антисемитская партия, руководившая газетами, полицией и управлением нашей деревни) разжигала ненависть к евреям с помощью выдуманных историй о том, какие евреи злые, как они хотят всех обмануть и захватить мир в свои руки. Моего отца и его брата Аарона заключили в тюрьму по обвинению в неуплате налогов; но это, конечно, была ложь — они всегда платили налоги. Их арестовали только потому, что они были евреями.

Папа рассказывал, что когда их выпустили, они с дядей Аароном решили попробовать перебраться в Палестину. Когда-то евреи проживали на территории Палестины на Ближнем Востоке — до изгнания во времена Римской империи. Многие евреи думали о ней как о родине, особенно во времена гонений, куда пора вернуться. В начале XX века часть Палестины была отдана евреям-иммигрантам, и в конце концов в 1948 году она стала независимым Государством Израиль.

Папа и дядя Аарон провели в Палестине несколько месяцев, после чего вернулись в Румынию. По возвращении домой дядя Аарон и его жена продали все свое имущество, чтобы вскоре куда-то мигрировать.

Папа тоже убеждал маму уехать в Палестину.

— Там хорошо, — говорил он. — Так тепло. И работу найти легко.

— Нет, — протестовала мама. — Я не могу взять и переехать с четырьмя маленькими детьми.

— Уезжать надо сейчас, пока для нас все не стало еще хуже, — убеждал папа. Его пугали